

Валиахмет САДУР

ТЮРКИ, ТАТАРЫ,
МУСУЛЬМАНЕ
(статьи, очерки, эссе)

УДК 39(=512.1)(081.2)
ББК 63.521(=63)я44
В 15

Книга издана при поддержке Ассоциации культурно-просветительских общественных объединений «Собрание»

Составитель и ответственный редактор: И.З. Мухамеджанов

Научный редактор: к.и.н. И.Л. Алексеев

Садур Валиахмет (1939–2006)

Тюрки, татары, мусульмане = Turkic Peoples, Tatars, and Muslims: (статьи, очерки, эссе) / Валиахмет Садур; [сост. и отв. ред. И.З. Мухамеджанов]. – М.: Изд. дом Марджани, 2012. – 400 с. – Парал. тит. л. англ. – Подлинная фамилия авт.: Владимир Гареевич Садур. – ISBN 978-5-903715-31-2.

ISBN 978-5-903715-31-2

Валиахмет (Владимир) Гареевич Садур (1939–2006) до сих пор не известен широкой читательской аудитории, интересующейся исламоведением, этнографией, социологией и историей мусульманских народов России. Тем не менее его вклад во все вышеперечисленные отрасли науки трудно переоценить. Будучи татариним по рождению и мусульманином по вероисповеданию, он окончил Институт восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки при МГУ) и посвятил всю свою жизнь изучению истории мусульманских народов, поставив его на строго научную основу. К сожалению, ученый не успел подготовить свой архив к публикации, и после его смерти все его научное наследие оказалось сосредоточенным в черновых записях, многие из которых даже не датированы. Работа по сбору, классификации, обработке, редактированию и восстановлению его научного наследия продолжалась около трех лет. Представленные в данном сборнике работы – это то, что удалось подготовить к печати совместными усилиями многих людей и при всемерной поддержке Фонда Марджани. Будучи дипломированным специалистом-востоковедом, Садур обладал своей точкой зрения на те процессы, которые переживали мусульмане не только на территории бывшего СССР. Садур умел мыслить континентальными масштабами в рамках широких временных категорий. Многие работы, написанные им в конце 80-х годов прошлого века, выглядят сегодня удивительно актуальными. Они содержат в себе не просто мнение мусульманина по тем или иным вопросам, а одновременно являются полноценными научными работами, которые наконец дождались своего выхода в свет.

© Садур В.Г.

ISBN 978-5-903715-31-2

© Издательский дом Марджани

Содержание

9	Человек Знания
15	Мои встречи с Валиахметом Садуром
18	Воспоминание коллеги-этнографа
20	Предисловие составителя
22	ИСЛАМОВЕДЕНИЕ
22	О мусульманском миссионерстве
31	О необходимости исламской академии наук в СНГ
34	Нужен ли исламо-иудейский диалог в России?
35	ФИЛОЛОГИЯ
35	Алфавит
37	В-Н-Н-Т-Р
42	Воинствующее невежество или шовинизм?
50	Восприятие текстов в разных культурах
71	Зачем мусульманам России общий язык?
74	Исчезновение национальных языков СССР как результат политики ассимиляции
78	Может ли ЭВМ выделять часть речи, а не классы слов?
79	Языки общения человека с машиной (ЯОМ): почему число их возрастает?
82	Некоторые особенности научно-технического текста на индонезийском языке, с точки зрения переводчика
85	Неудовлетворенность татар кириллической письменностью
88	Особенности языкового поведения индонезийцев и их отражение в языках народов Явы
91	Роль символических функций в расширении сферы использования местных языков общегосударственного общения в развивающихся странах Юго-Восточной Азии
134	Символическая функция языков и межнациональные отношения
138	Тюркский элемент в языковой ситуации на Северном Кавказе до 1917 г.
142	Тема «круглого стола»: Опыт и практика функционирования двух и более языков в федеративных странах Европы
150	Язык тюрки / Филологические заметки Что это такое?
152	ЭТНОЛОГИЯ
152	Мусульмане и православные Сибири: от исторических параллелей к единой истории?
160	Исламское наследие народов Российской Федерации сегодня и завтра
164	Как обеспечиваются центростремительные этнические связи?
165	Культурная революция

167	Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР
198	О культурном наследии болгар волжских
202	О соотношении узбекского и таджикского населения Самаркандской и Бухарской областей Узбекской ССР
218	Татарское население Москвы (конец XIX – XX в.)
231	Тюрки, татары, мусульмане...
258	Что можно знать о мыслях человека, не читая книг его?
261	ФИЛОСОФИЯ
261	Восток и Запад
301	О социальном в Исламе
352	РАЗНОЕ
352	Что будет с СССР после 1984 года?
360	Евразийство
364	Из путевых заметок и дневников
376	Появление новых имен на литературном небосклоне и введение в литературный процесс
395	Стихи

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ

О мусульманском миссионерстве

По аналогии с христианским часто говорят о мусульманском миссионерстве. Но это неверно: специально подготавливаемых мусульманских миссионеров не существует и теологически это оправданно. Каждый мусульманин обязан придерживаться Сунны Пророка (да благословит его Аллах и приветствует). Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) является образцом, которому следует мусульманин, и проповедь ислама – это то, что неотделимо от Пророка (да благословит его Аллах и приветствует), поэтому мусульманин должен стремиться проповедовать ислам.

Но на пути к распространению ислама по всему миру нередко возникают факторы, учет которых затруднителен для обычного верующего и требует определенной подготовки. Такой подготовкой должны обладать улемы, слой наиболее подготовленных знатоков ислама.

Встает вопрос: насколько едины потребности в знаниях, а следовательно, и в умах в тех или иных условиях и кто, по воле Аллаха, определяет эти потребности?

Если взглянуть на карту распространения ислама по земному шару, нельзя не обратить внимания, что мусульманские страны расположены к северу от экватора в Западной Африке, спускаются на юг почти до тропика Козерога в восточной части Африки, занимают всю Юго-Западную Азию, большим анклавом (Бангладеш) вклиниваются между Индостаном и Индокитайским полуостровами и включают Малайский архипелаг с Малаккским полуостровом на юго-востоке Азии и глубоко заходят в Индийский океан на Мальдивских островах. На остальной части суши до самого последнего времени мусульманских государств не было.

С исчезновением социалистического лагеря появились новые государства, население которых в большинстве своем до установления в них социалистических режимов было мусульманским, и мусульманское самосознание еще не покинуло жителей этих обретших или обретающих независимость стран. К ним относятся: на Балканском полуострове – Албания и Босния и Герцеговина, в бывшем СССР – Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, Татарстан, Башкортостан, Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Чечня и Дагестан. Сюда можно было бы присоединить еще и Северную Осетию, Абхазию и Крым, но местное мусульманское население в этих республиках слишком малочисленно и слишком далеко от ислама.

Более тщательное рассмотрение перечисленных территорий может привести к тому, что из предыдущего списка выпадет Адыгея, где адыгейцы составляют 22,1 % всего населения, но тогда придется поставить вопрос и о других республиках, где этнические мусульмане не составляют большинства населения, таких как Казахстан или Татарстан.

Если мы обратимся к эпохе пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), то тогда соотношение мусульман и немусульман временами было еще более неутешительным и, тем не менее, по воле Аллаха, достаточно быстро изменилось. Надо полагать, что и в наше время руководствоваться только количественными критериями при определении возможностей ислама бесполезно: в любой из стран Западной Европы ислам играет более заметную роль, чем, скажем, в Латинской Америке, даже если относительная численность выходцев из мусульманских стран в сопоставляемых странах одинакова. В каком из сравниваемых регионов нужно иметь больше улемов для распространения ислама? В Латинской Америке. Но эти улемы должны предъявлять меньше претензий немусульманскому населению, которому преподносится ислам: существуют требования, до которых нужно дорасти, прежде чем осознать их важность.

Итак, алиму, проповедующему ислам, следует учитывать не столько численность этнических мусульман, сколько состояние умов, степень подготовленности к принятию ислама.

Откуда, однако, алим может узнать о состоянии умов? Лучше всего, если он получит эти сведения от своих близких, т.е. будет представителем того народа, среди которого он будет вести проповедь.

Эту последнюю истину, на мой взгляд, нужно принимать с определенными оговорками. Всевышний, сделав человека свободным, наделил его способностью к сомнению, которую использует Соблазнитель, и человек часто доверяет пришельцу больше, чем тому, с кем он близко знаком, хотя бы потому, что пришелец меньше осведомлен об общих местных сомнениях. Следовательно, будет в высшей степени желательным, если несущий ислам будет во всех обстоятельствах оставаться самим собой, понимающим того, к кому обращается, и умеющим вызвать его доверие безотносительно к своему происхождению. Но в условиях, когда люди утратили основы Веры, они склонны придавать адату и предрассудкам слишком большое место, заполняя с их помощью пустоту, образовавшуюся с утратой Веры...

Продолжая рассуждения в том же ключе, можно сформулировать целый свод правил, которым надлежит следовать при пропаганде ислама в тех или иных условиях, но первичными в этих рассуждениях все же должны быть условия, а не то, что из этих условий вытекает.

Итак, существует определенный психологический настрой, который пропагандист ислама должен получить, прежде чем он приступит к пропаганде ислама. Решающую роль в создании этого настроя должно играть чтение Сунны Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) и определенные упражнения по умению владеть аудиторией. Этому можно обучиться в любом мусульманском учебном заведении. Но любая внутренняя подготовка может давать сбои, если при пропаганде не будут учитываться местные условия. Возьмем, скажем, самое южное мусульманское государство – Сейшельские Острова – и два самых северных государства – Татарстан и Башкортостан. Набор одежды, с которым приходится иметь дело в условиях холодного северного климата, несравним с тем, что требуется в тропиках; поэтому алиму из Сейшел придется в Татарстане или Башкортостане перейти на новую для него одежду, а татарскому или башкирскому алиму переодеться сообразно климатическим условиям. Как они должны это сделать, не потеряв достоинство в глазах окружающих? Вполне естественно, что алим из Татарстана или Башкортостана переоденется, как алим из Сейшел, а алим из Сейшел переоденется, как алим из Татарстана или Башкортостана. Ну а как быть, если алим попадет в немусульманскую страну, расположенную на столь же различных широтах? Как он должен одеваться сам? И какие требования он должен предъявлять к желающим принять ислам? Как совершать намаз в тайге, где тебя атакуют миллиарды комаров и

мошек? И как читать намаз в эскимосском иглу, если по полгода в течение всей своей жизни для тебя это единственное теплое место, в котором ты можешь сосредоточиться, скинув верхнюю одежду, но где ты никогда не распрямляешься во весь рост?

Это, разумеется, крайние случаи, есть более нормальное обычное поведение человека, которое представляется неприемлемым для мусульманина, например пищевые навыки бушмена или готтентота в Южной Африке. Должен ли бушмен или, скажем, коренной австралиец, готтентот отказаться от привычного для него рациона, в который входят черви и некоторые другие неприятные для человека творения Аллаха?

Думаю, что на все эти вопросы нет готовых ответов, получить их можно в результате работ, которые должны проводиться в мусульманских научно-исследовательских учреждениях, которые должны создаваться в первую очередь там, где мусульмане оказываются в непривычных для себя ситуациях. Одними из таких мест, где назрела необходимость в проведении работ по адаптации мусульманина в необычных условиях, является столица Татарстана Казань и столица Башкортостана Уфа.

Во-первых, это самые северные в мире потенциально мусульманские столицы, расположенные в многонациональном регионе, где коренные жители (марийцы, удмурты, чуваша, коми и мордва), считаясь в абсолютном большинстве своем православными, еще не утратили связи с язычеством и еще не забыли, что православие вводилось их предкам далеко не всегда с помощью убеждения и молитв и что принявшие православие достаточно часто утрачивали свою национальность, становясь русскими. Не совсем изгладилось из памяти и то, что определенная часть их стала татарами, приняв мусульманство, но это проходило тихо и спокойно, без всяких эксцессов.

Эти факторы, связанные уже не с физической, а с духовной адаптацией мусульманина, также должны изучаться в научно-исследовательских мусульманских учреждениях Казани и Уфы.

Откладывать создание научно-исследовательских учреждений в СНГ нельзя, так как православие было и остается религией, обслуживающей государственную идеологию, и потому вопреки искренним заявлениям своих мыслящих представителей может вновь превратиться в государственную религию России, и тогда оно будет определять, какие учебные и научные учреждения целесообразно открывать и какие нецелесообразно.

Разумеется, укомплектовывать указанные мусульманские научно-исследовательские кадры мусульманами сразу окажется

невозможно и придется использовать ученых-немусульман, но мы должны привыкнуть к тому, что за пределами мусульманского мира, включающего мусульманские государства, мусульманам следует жить и работать среди немусульман, и происходящая в наше время секуляризация мусульманского мира является знаменем от Аллаха, показывающим, что мусульмане должны не сторониться неверных, а склонять их на свою сторону. Кстати говоря, следует серьезно подумать об обращении в мусульманство евреев, потому что это было бы лучшим решением палестинской проблемы; особенно податливы к исламу в наши дни, на мой взгляд, евреи СНГ, переходу которых в истинную веру мешает прежде всего антисемитизм мусульман. Но это отдельный вопрос.

Итак, комплектование научных кадров в мусульманских научно-исследовательских учреждениях может проводиться не по религиозному признаку. Но не приведет ли это к тому, что эти учреждения будут бесполезны для ислама? На мой взгляд, предотвратить такой поворот научной деятельности можно, если руководители будут мусульмане и если финансирование научных работ будет, если пожелает Всевышний, осуществляться мусульманами. Кроме того, определенная часть научных работников-немусульман должна работать по срочному контракту, чтобы сохранить резервные места для мусульман, которых будут подготавливать соответствующие учебные заведения.

Недоверие мусульман к исламоведению в частности и к востоковедению вообще вполне оправданно. Зародившись как система подготовки шпионов, европейская школа востоковедения только по отношению к буддологам дала сбой: значительная часть буддологов стала просто буддистами, начав с убеждения, что постичь учение Будды можно лишь изнутри; исламоведы в абсолютном большинстве по-прежнему враждебны исламу или глядят на него со стороны. Но значит ли это, что мусульманские алимы не могут руководить востоковедами, если представляется возможность? И такая возможность, благодаренье Богу, сейчас открылась. При Московском государственном университете имени Ломоносова вот уже 36 лет существует Институт восточных языков (сейчас он называется Институт стран Азии и Африки). Институт готовит специалистов по истории, языку, литературе и экономике разных стран Востока.

Кризис, охвативший систему образования стран СНГ сказался и на ИСАА (так сокращенно называется институт). Проявляется это прежде всего в недостатке средств. И если бы нашелся спонсор, согласный открыть в этом институте исламское отделение,

руководство института, по-моему, только приветствовало бы это. Во всяком случае, я мог бы взять на себя посредническую миссию для того, чтобы в этом отделении преподавание было поставлено сообразно потребностям научно-исследовательских институтов Казани и Уфы.

В организационном и чисто практическом плане было бы более удобно создать мусульманский научно-исследовательский институт в Казани при Академии наук Татарстана, следя, разумеется, за тем, чтобы выделенные средства расходовались по назначению, что, впрочем, необходимо при финансовых контактах с любым учреждением в СНГ. Создание такого института при Академии сделает ее непохожей на другие академии в СНГ и позволит мусульманам занять место среди ученых Татарстана.

* * *

О социально-политических условиях для распространения ислама в Среднем Поволжье и Приуралье я напишу в следующий раз, сейчас же позволю себе остановиться на Сибири.

Хотя вот уже более 100 лет существует сибиреведение, о Сибири знают довольно мало и на Западе, и на Востоке.

Опуская здесь экзотические подробности о ее климате и природе, подчеркну все же, что условия для соблюдения мусульманской обрядности здесь достаточно непривычны, особенно в зимнее время, но местные мусульмане-татары по преимуществу сумели остаться мусульманами и в этих краях. Не берусь судить, что они сделали неправильно – Аллах знает лучше! – но проживают они почти во всех районах этой огромной территории, простирающейся от Уральских гор до Тихого океана и занимающей 40 % земель всего бывшего СССР. Но коренным населением их можно считать только на территории Челябинской, Свердловской и Курганской областей, юга Тюменской области, Омской и большей южной части Новосибирской области, прилегающих к Томску районов Тюменской области. Довольно многочисленное татарское население Кемеровской области является пришлым и состоит в основном из переселенцев из европейской части страны, так же как татары целого ряда деревень Красноярского края и Иркутской области. Самая известная в Восточной Сибири мечеть находится в Иркутске. На Урале и в Западной Сибири таких мечетей несколько. Сибирские мусульмане находятся в ведении Духовного управления мусульман европейской части СНГ и Си-

бири, в Омске имеется мухтасибат, где имам-мухтасибом служит З.Ш. Шакирзянов. Его младший брат Н.Ш. Шакирзянов является имам-хатыбом Новосибирска и Новосибирской области.

Наиболее сильны просветительские традиции у мусульман Томска, где до революции существовало больше всего в Сибири мусульманских печатных изданий.

Среди местных сибирских татар по особенностям языка и быта выделяются иртышско-тобольские, барабинские и томские татары. В численном отношении барабинских и томских татар в несколько раз меньше, чем иртышско-тобольских, а этих последних намного меньше, чем татар Урала, сохраняющих более тесные связи с татарами Восточной Европы и говорящих на тех же диалектах, т.е. казанско-татарском и мишарском, в то время как сибирские татары говорят на отдельном диалекте, который некоторые из них в последнее время пытаются сделать литературным языком.

Собственно сибирские татары составляют, по-видимому, около половины татарского населения Западной Сибири; на Урале, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сибирских татар почти нет.

Для мусульманского исламоведения в Сибири, на мой взгляд, наиболее интересными все же являются именно сибирские татары, здесь, на этих землях, 650 лет тому назад принявшие ислам, так как они наиболее адаптированы к условиям Сибири.

А так как русские в Сибири, составляющие более 4/5 всего населения края, сохранили в какой-то степени христианизаторский запал первых поселенцев, прибывших сюда в XVI–XVII вв., то распространение среди них ислама на первых порах вряд ли целесообразно проводить на уровне обращения в другую веру.

Ханты, манси и ненцы, имеющие в Западной Сибири свои национальные образования, слишком малочисленны, чтобы быть опорой для распространения Веры Пророка на территории Западной Сибири, хотя определенная часть хантов и еще больше манси в свое время приняли ислам и были татаризированы. Поэтому на примыкающей к Уралу территории иртышско-тобольские татары вместе с казахами, которых, кстати, в Омской области намного больше, чем татар, составляют костяк мусульманской уммы, прирост которой за счет других этносов, если Аллах ничего не изменит в ближайшее время, весьма проблематичен. То же касается барабинских татар, проживающих в пограничных с Казахстаном районах Новосибирской области.

Несколько в ином положении находятся томские татары, поселения которых близко примыкают к поселениям чулымских татар на востоке и северо-востоке, а на юге почти соседствуют с мусульманами-шахтерами, переселившимися в Кузбасс из районов проживания европейских татар. Диалект, на котором говорят томские татары, имеет общие черты с языком чулымских татар, среди которых сейчас довольно распространено сознание своей принадлежности к хакасам. Хакасы, еще каких-нибудь 50 лет назад составлявшие большинство в Хакасии, сейчас являются меньшинством в собственной республике, где их меньше 12 %. Будущее этого расплывленного географически и гетерогенного в языковом плане народа довольно туманно. Русификация приняла угрожающие размеры, которые не могут не беспокоить хакаскую интеллигенцию, изыскивающую способы спасения своего народа. Националистическая организация «Туп» пытается возродить языческую обрядовость хакасов как основу для его возрождения, но возможности организации очень ограничены, и это особенно бросается в глаза на фоне активизации деятельности в Хакасии христианских миссионеров. Понимая, что христианизация лишь усилит растворенность хакасов среди русских, некоторые представители «Ту́па» ищут опоры у буддистов Тувы, но не находят ее: буддисты тоже слабы. Есть и сторонники распространения среди хакасов ислама, опасующиеся, впрочем, усиления давления русских властей, с одной стороны, и опасности раздробления хакасов – с другой. Если бы в Томске был достаточно сильный исламский центр, он мог бы внести свой вклад в распространение ислама в Хакасии.

На юге Кемеровской области, за пределами Кузбасса живут другие тюркские народы – шорцы и багатские телеуты. Эти бывшие охотники и рыболовы в результате хозяйственной деятельности советских преобразователей природы оказались в тайге без зверя и рыбы и полностью зависят от подачек местных и центральных властей, бесконтрольно эксплуатирующих минеральные и лесные богатства края в основном силами заключенных.

Бесперспективность жизни создала почву для массового алкоголизма, буквально уничтожающего народ.

Надо ли говорить, что ислам был бы спасением для шорцев и багатских телеутов.

Багатские телеуты составляют лишь часть телеутов, включаемых обычно в число алтайцев (так стали называть в советское время тюркские народности, проживающие на юге Алтайского края, в Горном Алтае). Большая их часть сейчас находится в Гор-

ном Алтае и перешла или переходит на общий для алтайцев, но не для всех одинаково понятный алтайский язык. Как и хакасский, этот язык возник в советское время как язык письменной литературы и средств массовой коммуникации. Он возник на базе одного из южных диалектов, диалекта алтай-кижи. Созданный ранее миссионерами на базе телеутского диалекта алтайский был отвергнут, что, впрочем, не сделало его более понятным для носителей северных диалектов, более близких к тюркскому языку, чем к южным алтайским диалектам. Алтайцев в Горном Алтае довольно много, почти треть населения. А так как русские проживают преимущественно в городах и промышленных центрах, можно говорить о компактном расселении алтайцев.

Деятельность христианских миссионеров на Алтае дала свои плоды: христиане среди алтайцев есть, но преобладает некое синкретическое сознание, в котором перемешаны местный шаманизм и буддизм с христианством. В начале века это синкретическое сознание получило отражение в бурханизме.

Об исламе даже местная интеллигенция не знает практически ничего, но в пограничном с Монголией Кош-Агачском районе преобладающим населением являются казахи, бежавшие сюда в свое время из Казахстана. Эти люди сохранили свое исламское самосознание, хотя полностью утратили представление о том, что такое ислам. Вероятно, отсюда было бы целесообразно начать распространение ислама в Горном Алтае, тем более что люди, готовые за это взяться, есть.

Наличие казахов, готовых заниматься распространением ислама за пределами своей республики, фактор немаловажный, поскольку в самом Казахстане ислам находится в очень тяжелом состоянии. Если его сравнить с другими республиками Средней Азии, то такое же положение можно найти только в Кыргызстане, но Кыргызстан находится в более благоприятном положении: юг республики достаточно тесно связан с двумя действительно мусульманскими государствами – Узбекистаном и Таджикистаном, к тому же этнически мусульманское население в Кыргызстане составляет меньшинство только в столице – Бишкеке, в Таласской долине и на северном побережье озера Иссык-Куль.

Другой вопрос: насколько важны эти районы для экономики Кыргызстана, но все же они составляют небольшую часть республики.

Все не так в Казахстане. Прилегающие к мусульманскому Узбекистану области Казахстана – Чимкентская и Кызыл-Ординская – составляют лишь небольшую его часть, даже если к ним присоеди-

нить еще одну мусульманизированную Джамбульскую область. Этнические мусульмане-казахи составляют меньшинство в большинстве областей – Алма-Атинской и городе Алма-Ате, Джамбульской и Джекказганской, Восточно-Казахстанской и Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской, Кустанайской и Кокчетавской, Северо-Казахстанской и Тургайской. Но даже там, где казахи составляют большинство, как, например, в Западном Казахстане, они знают ислам очень плохо. В таких областях, как Джамбульская, Алма-Атинская и Талды-Курганская значительную, если не преобладающую часть мусульман составляют не казахи, а уйгуры, татары, турки, узбеки, дунгане. Впрочем, это скорее обнадеживающий, чем разочаровывающий фактор: если казахи по переписи 1989 г. составляли 39,7 % всего населения Казахстана, то все этнические мусульмане вместе составляли в республике почти 47 %. Правда, нельзя не отметить, что степень знания ислама среди них различна: выше – у узбеков, дунган или даргинцев и ниже – среди азербайджанцев, чеченцев или ингушей. Большую роль в Казахстане играют местные традиции: там, где, по воле Аллаха, раньше существовали религиозные центры, уровень религиозности заметно выше, чем там, где таких центров не существовало. Такие центры были на юге Казахстана. Это Джамбул, Туркестан, Чимкент. И мусульман в Южном Казахстане больше, чем в Западном, где к таким центрам можно отнести разве что Уральск. Не следует забывать также, что еще каких-нибудь 50 лет назад у казахов были сильны кочевые традиции и постоянных мечетей было мало.

Важнейшее, а временами и решающее значение имеет в Казахстане политическая ситуация, отношение к исламу властей предрержащих.

1992

О необходимости исламской академии наук в СНГ

Мусульманская умма в странах СНГ лишена одного важного свойства, которое делает общину самодостаточной, уверенной в своем будущем. Это свойство состоит в способности к восстановлению своего умственного потенциала без помощи извне. Можно утверждать, что социальный слой, обеспечивающий эту способность, в настоящее время очень непрочен почти в любой мусульманской стране, а у нас был полностью уничтожен большевиками-коммунистами. Этот слой называется «улама». Собственное значение этого слова у нас утрачено, и даже в представлении

наших мусульман утвердилось мнение, что исламское и неисламское образование несовместимы.

Такое убеждение возникло в связи с тем, что законы и указы имперской России до 1917 г. и СССР в последующие 70 лет уравнивали статус мулл и православных священников. В результате исламское образование этой немусульманской страны превратилось в систему воспроизведения знаний, необходимых только для ибадата, исполнения религиозных обрядов. Естественно, поэтому, что практическая значимость образования такого рода уступает образованию светскому. Более того, сложилось мнение, что Вера только мешает ученому в его «объективных» исследованиях.

Склоняющаяся к подобным выводам точка зрения привела к созданию строго ограниченного числа мусульманских медресе, которые поддерживались коммунистами для предотвращения широкого распространения исламских знаний среди молодого поколения.

Создание новых медресе и других исламских учебных заведений более совершенного типа в наших условиях мало меняет общую ситуацию, потому что общий кругозор у выпускников этих учебных заведений остается более низким, чем у ученых-востоковедов, потому что учащиеся и многие преподаватели уверены, что теоретические и научные знания им вряд ли понадобятся.

Что касается российского и советского востоковедения, то основной смысл его работы сводился к грамотному противостоянию исламу, и следует признать, что лучшие востоковеды превосходят наших имамов в знании теоретических проблем ислама и в практическом владении арабским языком.

Однако финансовое состояние государств СНГ сейчас таково, что они превратили науку, которая в СССР была гордостью страны и пользовалась уважением во всем мире, в некоторую совокупность научных учреждений, предоставленных самим себе и вынужденных на свой страх и риск продавать свои мозги всем, кто хорошо заплатит.

Так, в 1989 г. АН СССР насчитывала в своих рядах 63 тысячи научных сотрудников, включая 319 академиков, 583 члена-корреспондента, 138 иностранных членов академии, 2,5 тысячи докторов наук и более 13 тысяч кандидатов наук. Кроме этого, академия имела несколько научных обществ (Географическое, Философское и т.д.) и ассоциаций со 150 тысячами индивидуальных членов.

После распада СССР была создана Российская академия наук (РАН), которая явилась прямой наследницей АН СССР. Но финансируют новую академию совсем по-иному.

По словам одного из лидеров профсоюза работников РАН, российское правительство обеспечило выплату только 50 % запланированных для академии расходов на 10 месяцев 1994 г. В результате зарплата за первую половину года составила 40 % обещанного, а за III четверть 1994 г. – 55–65 %. Это означало, что перед многими в условиях инфляции стоит проблема физического выживания. Часть наиболее активных специалистов покинула страну, чтобы работать на Западе.

Аналогичная ситуация – в академиях наук бывших республик СССР.

Очевидно, что Всевышний предоставил мусульманам практически неограниченные возможности для использования богатейшего умственного потенциала ныне несуществующего СССР при условии, что богатейшие мусульманские государственные и общественные организации будут воспринимать проблемы мусульман СНГ как свои собственные. И это условие является во всех отношениях выгодным для мусульманского мира, так как ни одна из мусульманских стран не обладает таким научным потенциалом.

В СНГ можно создать Исламскую академию наук, которая бы объединила ученых, положительно относящихся к исламу, с тем чтобы впоследствии они помогли нам сформировать так необходимый мусульманам слой улама, одинаково владеющих исламскими и позитивными светскими знаниями.

Предполагается, что создание академии будет поэтапным: на заключительном этапе произойдет объединение отраслевых институтов.

Для создания отраслевых институтов необходим отбор наиболее полезных для ислама ученых. Отбор должен производиться на основании работ, представленных заказчиком, в результате сотрудничества с заказчиком.

В качестве заказчика могут выступать любые мусульманские организации. В качестве координатора между заказчиком и исполнителями (коллективами ученых) будет выступать исламский научно-исследовательский центр с тремя филиалами.

Кадры, которыми мы располагаем, позволяют начать работу в области а) корановедения и хадисоведения, б) шариата, в) исламской экономики, г) истории ислама и мусульман СНГ, д) даавата и исламской этнологии (сопоставительного изучения адатов немусульманских народов СНГ с мусульманскими обычаями и традициями), е) подготовка учебно-методических материалов для интересующихся исламом представителей мусульманских и немусульманских народов СНГ.

Выбор места расположения центра и его филиалов определялся стратегическими соображениями: географическим положением, соотношением мусульманского и немусульманского населения, отношением местных властей и предполагаемыми расходами. Оптимальными были признаны небольшие города с разнородным населением, расположенные недалеко от научных центров и имеющие промусульманское местное руководство.

1994

Нужен ли исламо-иудейский диалог в России?*

1. Почему возникает такой вопрос?

а) в какой мере от мусульман и иудеев зависит общая политико-экономическая ситуация в стране?

б) могут ли эти общины влиять на политические решения и экономическую ситуацию совместно и насколько реальны их единые действия в этом направлении?

в) латерализуется в России конфликт между Израилем и арабскими странами через отношения между мусульманами и иудеями?

2. В чем смысл такого диалога? Каковы его грани?

а) Отстаивание прав меньшинств;

б) положение мусульман в современной России имеет черты типологического сходства с положением евреев в России и/или других странах; выход евреев из сложных ситуаций может быть поучительным и для мусульман;

в) информация о реальном положении еврейского населения помогает в борьбе с антисемитизмом и фашизмом;

г) антисемитизм и вытекающие из него убеждения о всемирном заговоре свойственны прежде всего тем, кто не смог реализоваться как личность и ищет первопричину этого не в самом себе, а в неких всемогущих внешних силах, способных управлять миром – но в исламе это дано только Творцу всего сущего, поэтому гносеологически антисемитизм противоречит исламу.

Пока мусульманские интеллектуалы и православные иерархи уверяют друг друга в своем наилучшем почтении, значительные группы мусульманского и православного населения занимаются тем, что (так же друг против друга) защищают свою веру.

*Эти тезисы можно датировать примерно началом 2000-х годов.

ФИЛОЛОГИЯ

Алфавит*

В социальном плане смена алфавита для мусульманских народов бывшего Советского Союза означала разрыв с традицией, попытку отключения даже памяти о принадлежности к другой, мусульманской цивилизации. Вначале согласно европейским представлениям о превосходстве христианской цивилизации над всеми другими, менее прогрессивными, внедрялся латинский алфавит как алфавит языков, владеющих современной наукой и технологией, затем, когда стало ясно, что эти языки не желают мирового коммунизма, образцовым стал алфавит языка, наиболее продвинутого на пути к коммунизму, – русского.

На практике это означало ликвидацию грамотного меньшинства мусульман и воссоздание грамотности с нуля. Татары как носители мусульманской грамотности утратили в результате смены алфавита все свое культурное влияние на мусульманские, и прежде всего родственные тюркские, народы. И это был мощнейший удар по единству мусульман, складывавшемуся в конце XIX – начале XX в. в Российской империи под влиянием джадидов.

Помимо всего прочего, ломка цивилизаций это еще и психологический урон, утрата народом установившегося места в жизни. Мусульмане никогда не были настолько наивны, как полагает г-н Жириновский, чтобы не понимать значения школ и больниц, вопрос состоял в том, какие и чьи были нужны нам школы и больницы.

Как известно, левое полушарие нашего мозга отвечает за логику и языковую компетенцию, правое – за образное, целост-

*Статья, предположительно, написана в рамках просветительской деятельности в Исламском Конгрессе России в первой половине 1990-х годов.

ное мировосприятие. Первый язык, который ребенок усваивает параллельно с усвоением своего места в мире, оказывается неразрывно связанным с правым полушарием. Полное координированное двуязычие (тем более многоязычие) практически невозможно, и это заставляет некоторых исследователей сомневаться в правомерности различения сложного (когда две языковые системы пересекаются) и координированного (когда они не пересекаются) двуязычия вообще.

При изучении языков иная письменность сильно затрудняет их усвоение. Это получило свое отражение даже в расценке оплаты работы переводчиков. Так, у нас наиболее высоко оплачивается труд переводчиков, владеющих языками с иероглифической письменностью (китайский, японский), затем идут восточные языки с нелатинской (арабской, дивангари) графикой, далее следуют восточные языки с латинской письменностью и редкие европейские языки.

Японских авторов заинтересовало различие в восприятии картины мира человека, привычного к иероглифическим надписям, и человека, ориентированного на латинский алфавит, и они пришли к выводу, что эти различия базируются на функционировании полушарий головного мозга: в схожих ситуациях левое включается прежде всего у европейцев, и правое – у японцев. И.Я. Березная со ссылкой на работу В.А. Пронникова и И.Д. Ладанова «Управление персоналом в Японии» пишет: «Школьник-европеец при чтении сосредоточен на последовательности знаков, что и определяет особенности формирующейся у него логики. Японский школьник не может следовать взором за последовательным развитием, он воспринимает знаки как целостные структуры, ибо каждый иероглиф означает самостоятельное понятие, что ведет к формированию у него другого типа анализа» (Грановская Р.М., Березная И.Я. Интуиция и искусственный интеллект. Л., 1991. С. 27–28). Эту же идею по отношению к взрослому японцу высказывает Мидзусима Кэйти – профессор университета Риссэй (в изложении автора обзора на книгу «Нихондзин – но сисо: то ко: до: (Мышление и поведение японцев)», которая содержит написанную Кэйти главу «Личность японца и его отношение к другим людям». Эта идея звучит так: «Японскому характеру несвойственно стремление к логическому анализу как средству познания истины. Японец склонен воспринимать вещи в их нерасчлененности, так, как они есть» (Мышление и поведение японцев // Проблемы национальной психологии Японии: Реф. сб. М., 1977. С. 91).

К сожалению, подобного интереса к различиям в восприятии носителей арабской и латинской (или кириллической) письменностей, насколько мне известно, никто не проявляет, хотя следовало бы, например, попытаться понять, нет ли в преимущественном развитии левого полушария стимула для моральных отклонений, поскольку нравственные критерии находятся в ведении правого полушария. Хотя для разработки этой и других тем, связанных со спецификой право- и левополушарных реакций в разных культурах, у нас нетрудно было бы найти специалистов, готовых работать в исламском научно-исследовательском центре. Несмотря на неразработанность проблемы восприятия арабской письменности, очевидно, что она более экономна, чем латинская и тем более кириллическая письменность. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить количество черт, используемых при написании арабских и латинских (или кириллических) букв. Низкая избыточность письменного арабского языка предьявляет, по-видимому, повышенные требования при чтении, но зато облегчает воспроизведение его.

Насильственная отмена арабской письменности, очевидно, изменила навыки чтения, и арабское письмо кажется менее удобным даже для тех, кто им владеет. О трудности чтения татарского текста, записанного арабской графикой, говорил мне, в частности, крупнейший татарский книговед Абрар Каримуллин.

Мне кажется, однако, что изменение навыков чтения – дело нужное, и научные исследования в этой области могли бы оказать большую помощь, чтобы это изменение происходило с минимальными потерями.

Как мусульманину мне представляется, что следует принять эти потери, потому что возвращение наших мусульман к арабскому алфавиту для записи своих мыслей, чувств и впечатлений на родном языке приблизит их к основе основ нашей Веры – Священному Корану и Сунне Пророка (да благословит его Аллах и приветствует).

В-Н-Н-Т-Р

Название этого народа известно из арабско-персидских источников, которые Б.Н. Заходер обозначил как «каспийский свод сведений о Восточной Европе», и известной каждому хазароведу еврейско-хазарской переписки X в.

Согласно Б.Н. Заходеру, отождествлявшему в-н-н-т-р с н-н-д-р, а следовательно, и с в-н-н-д-р, о нем сообщается в персидской рукописи Гардизи, принадлежавшей Британскому музею и частично переведенной на русский язык академиком В.В. Бартольдом. По мнению Б.Н. Заходера, «источником, в котором содержатся если не полностью параллельные, то хотя бы частично близкие к Гардизи тексты, является *Худуд аль-Алам*»¹. Соглашаясь с Б.Н. Заходером относительно близости трудов Гардизи к принадлежащему перу неизвестного автора *Худуд аль-Аламу*, позднейший историк Хазарии А.П. Новосельцев² вместе с тем резко осуждает источниковедческий подход Б.Н. Заходера. «Такого свода реально нет, – пишет А.П. Новосельцев, – и он создан Заходером на основе не всегда аргументированного объединения весьма разных групп материалов»³.

В пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа, написанного на древнееврейском языке, помимо народа в-н-н-т-р, проживавшего на территории Хазарии до хазар⁴, упоминается народ в-н-н-тит, проживавший у реки Итиль и плативший дань хазарам⁵. Попробуем провести лингвистический анализ буквенных цепочек: (1) в-н-н-т-р, (2) в-н-н-д-р, (3) н-н-д-р, (4) в-н-н-тит, чтобы установить их принадлежность к одному или разным этнонимам.

Составляя цепочки (1) и (2) и принимая во внимание, что ни в арабском, ни в древнееврейском звонкое [д] и глухое [т] не смешиваются, сразу же вспоминаем, что в современном чувашском, который тюркологи обычно считают близким к хазарскому, [д] и [т] представляют собой позиционные варианты одной фонемы, в инициальной позиции – более близкой к [т], в интервокальной позиции – склонной либо к геминации (некоторые лингвисты, правда, утверждают, что геминация существует только на письме), либо к озвончению. И это именно озвонченное [т], а не произнесение его как [д]. Следовательно, те, в чьем произношении средневековые арабы или персы слышали означающие (1) и (2), могли обладать произносительными навыками современных чу-

¹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 53.

² «В целом... хазарские известия Гардизи и “Худуд” настолько близки, что можно предполагать существование их общего источника на персидском языке, основанного на арабских трудах IX – начала X в.» (Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Цит. по: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1996. С. 501–502).

³ Там же. С. 478.

⁴ Там же. С. 591.

⁵ Там же. С. 594.

вашей в отношении фонемы [т] и могли принадлежать к тюркам, говорившим на языке, близком к чувашскому. По-видимому, это наиболее правдоподобное объяснение сходства между этнонимами, позволяющее видеть за ними одно означаемое.

Сравним цепочки (2) и (3), и, принимая во внимание, что в арабском неслоговая буква *ﺀ* представляет собой полугласную [y], а слоговая *ﺀ* гласные [y] или [o] (а также другие губные гласные), мы можем с некоторой долей вероятности утверждать, что в цепочках (1), (2) и (4) слоговое, т.е. обозначает или губную краткую гласную или слог [wa], [vu], [we], [vY]¹. В пользу того, что это была краткая гласная, свидетельствует то, что среди ныне здравствующих языков Поволжья довольно широко распространен краткий [o], имеющийся и в тюркских (татарском, башкирском, верховом диалекте чувашского, ногайском и казахском) и в финно-угорских (марийском, хантыйских и мансийском) языках региона. Татарский языковед Р.Г. Ахметьянов считает, что краткое [o] заимствовано татарами, башкирами и чувашами из угорских языков (к угорским помимо хантыйских и мансийского, относится также и венгерский)². Следовательно, те, от кого средневековые арабы и персы могли услышать то, что было выражено цепочкой н-н-д-р, идентичной в силу большого количества общих элементов цепочке (2), говорили либо на угорских, либо на тюркских языках, испытавших угорское влияние, поэтому в начале слова не было воспринято как аналог арабскому долговому гласному, передаваемому через *ﺀ*. Именно этим легко объясняются различия между цепочками (2) и (3): с одной стороны, гласный инициалий следовало бы передать, чтобы обозначить, что это не аналог арабскому¹ или *ﺀ*, а с другой – как его передать средствами арабской графики, если он является кратким. Поэтому вполне логично предположить, что означаемое у этих цепочек одно и то же и, скорее всего, произносилось либо как [vo], либо как [o] (с вариантами [vэ], [э]).

Вероятность случайного совпадения этнонимов (1) и (4) настолько мала, что ею можно пренебречь, тем более что речь идет о единой территории (Восточная Европа) и исторически обозримом времени. Оба этнонима, очевидно, обозначали бы один и

¹ См.: «В чувашском языке общетюркским o, y, э, Y, соответствуют wa, wu, we, wY (Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 11).

² Там же. С. 238.

тот же народ, если бы Иосиф не утверждал противного. Исходя из того, что это один и тот же народ, среди предполагаемых причин различия между цепочками можно было бы назвать, например, гетерогенность информантов в языковом плане. Возможно, что в цепочке (4) -т или -ит показатель множественного числа, свойственный монгольским языкам (так, в калмыцком языке существуют следующие варианты показателей множественного числа с конечным -д: -уд/Үд, -муд/м Үд, чуд/чҮд/, -д, в бурятском: -д, ууд/ҮҮд, -гууд/ гҮҮд, нууд/н ҮҮд, шууд/шҮҮд). Принятие этого допущения позволяет обратить внимание и на другие показатели множественного числа: в калмыцком это -с и -нр, в бурятском это -нар/нэ, шуул/шҮҮл, -н, -тан/тэн. Как видим, аффиксы -нр (калмыцкий) и -нар/нэр (бурятский) напоминают тюркский вариант суффикса множественного числа -лар, существующий, в частности, в диалектах туркменского языка -нар/нер, нор/нор, литературном гагаузском (-нар/нэр), татарском (-нар/нэр), тувинском (-нар/-нер), якутском (-нар/нор/нэр/нор), хакасском (-нар/нер), шорском (-нар/-нер).

Здесь уместно вспомнить, что значительная часть этнонимов у монгол оканчивается на -т: буряты, ойраты, торгуты (торогоуты), дербеты, хошоуты (хошеуты), олеты, меркиты, туматы, баргуты, багуты, батуты, шарнуты, харнауты, зэты, хогйты, таджиуты, керейты. Употребляются показатель -т/-д и для обозначения тюркоязычных соседей монголов: теленгуты (теленгиты), телеуты, сохады. Согласно Е.И. Убрятовой, «эта форма множественного числа встречается в древнетюркских памятниках»¹. А это означает, что говорить о присутствии монголоязычного населения на территории Восточной Европы до Чингисхана следует с большой осторожностью.

Более распространен у тюркских этнонимов показатель -ар (в связи с чем значительная часть тюркологов стала отождествлять его со словом Ир «МУЖЧИНА, МУЖ, ЧЕЛОВЕК»): АФШАР, БАЛКАР, КАДЖАР, САЛАР, ТАТАР, УЙГУР (ПО ЗАКОНУ ГУБНОГО СИНГАРМОНИЗМА –АР ПЕРЕХОДИТ В –УР), ШОР (ВОЗМОЖЕН ПЕРЕХОД –АР В –ОР).

Теперь обратимся только к ныне употребляющимся на территории степной и лесостепной Евразии этнонимам. Окончание -р у них относится к числу наиболее частотных: абар (апар), авар,

¹ Убрятова Е.И. Краткий грамматический очерк якутского языка // Якутско-русский словарь. М., 1972. С. 576.

баландар (беленджер), берчекер, кангар (печенег), кутургур, кучугур, огор (угр), оногур, сабир, сувар, сир, тохар, тубалар, угур, унногундур, утургур, хазар, хор. Наиболее распространенной среди предшествующих -р согласных является г¹.

Наиболее прозрачными по своей структуре среди всех приведенных этнонимов, наряду с этнонимом тофалар, являются тубалар, телеут. Туба легко отождествляется с названием основного населения Республики Тыва – тувинцы. Об аффиксе -лар говорилось выше. Теле – имя одного из древних тюркских племен, сохранившееся, в частности, в названии Телецкого озера. Интересно, что в этом названии сохранился и показатель множественного числа -с, употребляющийся в современном калмыцком языке. Вариантом этого показателя является -ут (калмыцкое -уд, бурятское -ууд). В этнониме теленгет/теленгит между теми же самыми компонентами появляется связка -нг-.

Выше отмечалось, что аффикс множественного числа в тюркских языках имеет вариант -нар, совпадающий с одним из показателей множественного числа в монгольских языках. Не является ли в таком случае естественным переход -н- в -нг- и затем в -г- в этнонимах с окончаниями -гар/-гер/-кар/-кер, -гор/-гөр/-гур/-гюр?²

Если эта гипотеза подтвердится, потребность в интерпретации слова «ар» как «ир» потеряет свое значение, потому что показатель множественного числа -лар с вариантами вряд ли имеет какое бы то ни было отношение к «ар» (т.е. если слово «татар» тюркского происхождения, оно могло образоваться в результате дегеминизации показателя множественного числа с предшествующим [т]: тат-гар>татар).

А что касается в-н-н-т-р и двух, как мы выяснили, вариантов обозначения этого народа, то произносили их чаще всего, по-видимому, как энендер с возможной лабилизацией последнего [е], делабилизацией второго [э] и оглушением [е]. Впрочем, и наличие инициального [в] также не исключается. Может быть, это иное название оногуров.

В-и-и-тит же звучал примерно как унаитит с кратким гласным [а].

¹ Эта закономерность прослеживается и при расширении списка этнонимов на указанной территории.

² Не следует забывать, что г в тюркских языках перед твердыми гласными а, о, у не взрывное, а увулярное, подобное южнорусскому диалектному г, и, следовательно, носителями языков, где увулярное г отсутствует, может восприниматься как х. Отсюда возможные варианты -хар/-хор/-хур.

Воинствующее невежество или шовинизм?*

Было бы наивно с моей стороны полагать, что все попытки расколоть еще только формирующееся единство российских мусульман исходят извне. Как это ни прискорбно, слишком часто сами мусульмане из самых, казалось бы, лучших побуждений разводят нас в разные стороны. В Татарстане представители татарской светской интеллигенции почему-то вообразили, что знаний теоретической физики и отрывочных сведений об исламе, извлеченных из книг на русском языке, вполне достаточно для реформирования Веры Пророка, так чтобы это не мешало вести жизнь не неисламский, то хотя бы не вполне исламский образ жизни, и даже придумали для своего реформированного детища имя «евроислам». В Москве представители русской мусульманской интеллигенции, «защищая» интересы мусульман, не знающих татарского языка, изгоняют этот язык с минбаров мечетей.

Обидно и печально, что у обеих общественных инициатив один общий источник – невежество и нежелание придерживаться неотъемлемой от человеческих качеств мусульманина терпимости к тому, что лично тебя в данный момент не устраивает. Татарские интеллектуалы, похоже, видят в исламе нечто вроде очередной модной идеологии, которая имеет своей главной функцией объединение татарского народа, русские интеллектуалы убеждают себя в универсальности русского языка, пригодного, по их мнению, на все случаи жизни (напомню, что любое слепое преклонение перед чем бы то ни было, кроме Всевышнего, у мусульман безусловно осуждается и называется – ширк). И те и другие в своих по сути националистических доводах опираются на опыт Запада, дескать, татарам (а соответственно и всем другим мусульманам и немусульманам) нужно следовать по пути, проложенному Западной Европой и Соединенными Штатами. Сразу же оговорюсь, что для мусульманина нет ничего зазорного в том, чтобы следовать какому бы то ни было хорошему образцу. Весь вопрос – в чем следовать? Важно помнить предупреждение Аллаха: «О те, которые уверовали! Если вы покоритесь некоторым из тех, кому было даровано Писание, то они обратят вас в неверующих после того, как вы уверовали» (3:100). А потому стоит разобратся, кого в наши дни можно считать этими некоторыми. Невежество невежеству рознь – в Татарстане хотят быть похожими на европейских немусульман, а в Москве на европейских мусуль-

*Текст работы любезно предоставлен Д.З. Хайретдиновым.